

Инесса Ивановна Сиволап-Кафтанова

Десятилетие Парижской Коммуны в Женеве и 1 марта 1881 г.

Французский ежегодник 1975

М.: Наука. 1977. С.238-243

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012

Известно, что передовая Швейцария горячо откликнулась на события весны 1871 г. в Париже. Напомним, что газеты «Vorbote», «Tagwacht» и «Egalité» широко освещали деятельность Парижской Коммуны и подробно информировали читателей о ее декретах и действиях. В Женеве, где была особенно сильна романская федерация I Интернационала (она насчитывала тогда около 30 секций лишь в этом кантоне), в поддержку Коммуны 8 и 15 апреля 1871 г. были проведены многочисленные митинги и рабочие собрания. На этих интернациональных митингах, где видную роль играли Н. Утин и А. Трусов, были приняты приветствия восставшему Парижу¹. Когда Коммуна пала, члены швейцарских секций Интернационала объективно анализировали деятельность Коммуны.

Обстоятельства складывались так, что нужно было не только оказывать материальную помощь хлынувшим в Швейцарию парижанам, но и отстоять для них право жить в этой стране. Жюль Фавр принуждал правительства европейских стран отказывать коммунарам в праве убежища, требуя рассматривать их как уголовных преступников, а не политических эмигрантов. Федеральный совет Швейцарии, обеспокоенный давлением своего могучего соседа, попытался действовать согласно его требованиям: был отдан приказ арестовывать коммунаров. Однако это решение натолкнулось на взрыв возмущения не только иностранцев, но и коренных жителей. Давно, еще в эпоху кровопролитных религиозных европейских распрей, Швейцария дала приют и французским гугенотам и участникам крестьянской войны в Германии XVI в. И хотя в истории Швейцарии записаны такие страшные события, как сожжение Кальвином на площади Шампель в Женеве беглеца из Испании Мигеля Серветта, в стране укоренилась традиция давать приют эмигрантам, притесняемым у себя на родине по религиозным, политическим или другим соображениям². Единственный арестованный в Швейцарии коммунар Эжен Рауа, полковник национальной гвардии и член Военной комиссии Коммуны, после двухмесячного заключения в женевской тюрьме под давлением демократической прессы, митингов и собраний был освобожден. Передовая Швейцария одержала победу — федеральное правительство отказалось от преследования коммунаров.

Пока шла борьба за право убежища, швейцарские рабочие и ремесленники — интернационалисты оказывали парижским эмигрантам помощь³, особенно в говорящей на французском языке романской части

¹ Подробно об этих событиях см.: Парижская Коммуна 1871 г., т. II. М., 1964, с. 392—403.

² Вспомним, с каким доброжелательством община деревеньки Шатель под Муртевом, что в кантоне Фрейбурга, предоставила права гражданства А. И. Герцену. См.: Герцен А. И. Поля. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XIII. Пг., 1919, с. 438—445.

³ Парижская Коммуна 1871 г., т. II, с. 398.

страны, где активно действовали секции Интернационала. Секции Женевы, Кларана, Шо-де-Фона, Лозанны, Невшателя собирали деньги, одежду, подыскивали жилье и школы для детей, усыновляли сирот.

Но Швейцария весной 1872 г. была полна не только светлых отблесков Коммуны, но и трагических следов ее поражения. После падения Коммуны усиливалась раскольническая деятельность бакунистов района гор Юры, которые вели подрывную работу против секций Интернационала⁴. К первой годовщине Коммуны — 18 марта 1872 г. первые партии беженцев, несмотря на разногласия между активизировавшимися альянсами, синдикатами, землячествами, были устроены, а вновь прибывавшие находили бескорыстную братскую помощь как у эмигрантов — участников революций 1848 г., польских повстанцев 1863 г., русских революционеров-шестидесятников, так и у коренных швейцарцев.

В «Записках революционера» П. А. Кропоткин подчеркивает, что поездка в Швейцарию в 1872 г. была для него решающей в избрании пути социалиста и революционера-анархиста. Думается, что в этом нет преувеличения. Конечно, П. А. Кропоткин был подготовлен к революционной деятельности уже в России⁵, но посещение Швейцарии, где уровень рабочего и социалистического движения был высок, где велико было влияние Интернационала, значительно ускорило это решение, сделало его бесповоротным. П. А. Кропоткина поразили митинги и собрания в «Temple Unique» в Женеве, товарищеская солидарность интернационалистов, организация социалистической печати. Высокий уровень рабочего движения был достигнут благодаря самоотверженной деятельности I Интернационала, находившегося, по свидетельству П. А. Кропоткина, «на высшей точке своего развития»⁶. Он пишет: «Нужно было жить среди рабочих, чтобы понять, какое влияние имел на них быстрый рост Интернационала, как верили они в движение, с какой любовью говорили про него и какие делали для него жертвы... посторонние наблюдатели совершенно не способны понять, какие жертвы приносят рабочие, чтобы поддерживать движение. Уже для того, чтобы открыто присоединиться к какой-нибудь секции Интернационала, требовалось немало мужества»⁸. Глубокое впечатление на него произвела не только работа секций Интернационала, но и все облагораживающее влияние этой организации в целом на швейцарских и иностранных рабочих. Швейцария весны 1872 г. была полна торжества одержанной с таким трудом победы. Граничащая с тьеровской Францией крошечная страна под напором прогрессивных сил одержала верх над своим буржуазным правительством.

Поэтому празднование в Женеве в 1872 г. первой годовщины революции 18 марта было особенным событием и, наверное, запомнилось многим. Именно тогда определилась судьба П. А. Кропоткина, которому посчастливилось принять в нем участие. В этот вечер, 18 марта 1872 г., он дал себе «аннибалову клятву» беззаветно отдаться революционной деятельности. «Незадолго перед этим Тьер расстрелял Росселя и Ферре. Они были расстреляны спустя почти семь месяцев после подавления

⁴ Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы. М., 1941, с. 213, 219. О митингах в Женеве в октябре и ноябре 1871 г. см.: «Коммунист», 1971, № 2, с. 19—21.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 1—46; см. также: Парижская Коммуна 1871 г., т. II, с. 402.

⁶ Советские исследователи жизни и деятельности П. А. Кропоткина справедливо это подчеркивают (см.: Твардовская В. А. Предисловие в кн.: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 14; Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972, с. 64). Однако нельзя недооценивать влияния политического климата, царившего в 1872 г. в Швейцарии, того ошеломляющего впечатления, которое произвели на приехавшего из самодержавной России П. А. Кропоткина и победа восстания 18 марта 1871 г., и декреты Коммуны, и ее трагическая гибель, и личное знакомство с ее героями.

⁷ Кропоткин П. А. Записки революционера, с. 246.

⁸ Там же, с. 253.

Коммуны, просто чтобы порадовать буржуа, — пишет он. — Митинг 18 марта был чрезвычайно многолюден и оживлен. Рабочие были возбуждены и готовы идти в бой и жертвовать всем... Возвратившись в свою комнату в небольшом отеле возле горы, я долго не мог заснуть, раздумывая под наплывом новых впечатлений. Я все больше и больше проникался любовью к рабочим массам, и я решил, я дал себе слово отдать мою жизнь на дело освобождения трудящихся. Они борются. Мы им нужны, наши знания, наши силы им необходимы — я буду с ними»⁹. Знакомство и личная дружба со многими коммунарами в Швейцарии (с Г. Лефрансе, Б. Маломом, Э. Реклю и др.) укрепили это решение П. А. Кропоткина. К сожалению, ошибки многих из них стали и его ошибками и повели его по пути анархизма. Но память о Парижской Коммуне, о ее героях и жертвах жила в нем постоянно и была темой его многочисленных, порой известных, а порой еще неизвестных нам публичных выступлений.

Его горячая приверженность Коммуне была доказана и делом. Через несколько лет, бежав из заключения, П. А. Кропоткин в феврале 1877 г. поселяется в швейцарском городке Шо-де-Фоне. Именно в этом году, день 18 марта, который с 1872 г. стал памятным днем трудовой Швейцарии, оказался для многих еще и боевым крещением¹⁰. Борьба разгорелась вокруг красного знамени. П. А. Кропоткин пишет: «Бернская полиция воспретила носить рабочее знамя на улицах. В день годовщины Парижской Коммуны мы все отправились в Берн, чтобы, несмотря на запрещение, пройти по улицам с красным знаменем. Конечно, произошло столкновение с полицией... Но одно красное знамя донесли-таки благополучно до залы, где состоялся восторженный митинг»¹¹. Так описана в «Записках революционера» демонстрация. За ней последовал суд, к которому было привлечено около 30 швейцарцев; многие были приговорены к трехмесячному заключению. Но гораздо больше подробностей дает очень интересное письмо П. А. Кропоткина к П. Роберу от 21 марта 1877 г., почти полностью приведенное в книге Н. А. Пирумовой¹². Однако в жизни П. А. Кропоткина сыграл большую роль и другой митинг памяти Коммуны.

Была весна 1881 г. Передовая Женева готовилась торжественно отметить десятилетие революции 18 марта 1871 г. Но всего лишь за пять дней до этого дня произошли чрезвычайные события: 13 марта (по русскому стилю 1 марта) в Петербурге был убит Александр II. Европа была взволнована. В Париже, Лондоне в защиту революционеров возникали стихийные демонстрации и митинги. В маленькой Женеве на улицах рабочих кварталов появились афиши и воззвания в поддержку «русской революции». Инициаторами кампании были не только русские политические эмигранты, но и многие руководители местных рабочих ассоциаций. Одним из главных организаторов был П. А. Кропоткин. О том, какой серьезный размах приняла агитация в Женеве, говорят несколько уцелевших документов.

В Федеральном архиве Швейцарии в Берне сохранилось следственное дело П. А. Кропоткина, начатое весной и законченное летом 1881 г. Постановление суда было вынесено под давлением царского правительства и гласило, что П. А. Кропоткину запрещается проживать на территории Швейцарии с 1 сентября 1881 г. С этого времени П. А. Кропоткин официально жил во Франции в пограничном со Швейцарией городке Тононе, хотя и бывал нелегально в Женеве, за что вновь подвергся изгнанию.

⁹ *Кропоткин П. А.* Записки революционера, с. 254.

¹⁰ В этой демонстрации участвовал и Г. В. Плеханов. См.: *Кропоткин П. А.* Записки революционера, с. 460.

¹¹ Там же, с. 363, 364.

¹² *Пирумова Н. А.* Петр Алексеевич Кропоткин, с. 91—93.

Среди бумаг, собранных в досье, кроме упомянутых афиш¹³, записей допросов, следственных материалов по деятельности Кропоткина в защиту Желябова, Перовской и других есть вырезка из газеты «Tribune de Genève» за 19 марта 1881 г. Хроникальная заметка о митинге, посвященном десятилетию Коммуны, помещена среди других сообщений о событиях предыдущего дня. Написанная отнюдь не в тоне сочувствия, она, однако, излагает ход митинга и интересна нам как свидетельство интернациональной солидарности швейцарских, французских и других иностранных рабочих с русскими эмигрантами.

Среди многих выступлений приводится и речь П. А. Кропоткина, которая изложена весьма подробно. Сам П. А. Кропоткин в «Записках революционера» не пишет о том, что она послужила одним из поводов к высылке его из Швейцарии¹⁴. В «Речах бунтовщика» Кропоткина, изданных Э. Реклю в 1885 г., есть раздел о Парижской Коммуне, вторая часть которого была написана 17 марта 1881 г. к ее десятилетию¹⁵. Но выступление 18 марта 1881 г., судя по хронике из «Tribune de Genève», не соответствует тексту, написанному 17 марта; оно посвящено уже не Коммуне, а России.

Митинг проходил в одном из больших и вместительных кафе Женевы (в городе их несколько) — в кафе «Schiss». Оно знаменито своими собраниями так же, как и кафе «Treiber», где в 1866 г. проходили заседания Женевского конгресса I Интернационала, или кафе «Handwerk», в котором неоднократно позже выступал В. И. Ленин. Репортер рассказывает, что при входе в кафе продавались газеты и брошюры, а стены зала были украшены знаменами, почему-то трехцветными (по-видимому, не было разрешения на красные знамена.— *И. С.*), которые вскоре исчезли под аплодисменты присутствующих. Собравшихся было много, и они представляли социалистов всех стран. Однако автор заметки подчеркивает, что А. Рошфор — знаменитость женевской эмиграции того времени — на вечере отсутствовал, а он-то неоднократно подвергался критике ораторов. Председатель митинга в середине заседания зачитал приветственные телеграммы от бельгийского федерального бюро Республиканского союза, от двадцати двух групп Бельгийской революционной лиги, а также телеграмму от социалистов Лондона. Затем он весьма подробно рассказал о том, как в Италии крестьяне сжигают ипотечные бюро, в Испании рабочие разрушают заводы, а в Америке стачечники захватывают оружие и громят вокзалы.

Среди выступавших репортер перечислил Фишера, Франца, гражданку Барбе¹⁶ и Эритье, о котором специально сделана оговорка, что речь идет не об Эритье — отце, который был тогда государственным советником, а о его сыне. Это было одно из первых выступлений тогда восемнадцатилетнего Луи Эритье, известного позже деятеля социал-демократической партии Швейцарии. Автор хронки подчеркивает, что речь этого оратора была очень горяча, в ней неоднократно повторялись «громовым голосом» такие слова, как порох, пули, топор, и он первый, восхваляя революцию 1871 г., воздал славу тем, кто убил «коронованного тигра», державшего в своих когтях русский народ.

Во второй части заседания, после зачитания председателем приветственных телеграмм, выступило несколько русских эмигрантов. Первым был Н. Жуковский, который, коснувшись слабых и сильных сторон Коммуны, посвятив свое выступление главным образом проблемам парубийства и критике поведения А. Рошфора как журналиста. Вслед за ним

¹³ Одну из афиш-протестов против казни первоапрельцев, относящуюся к апрелю 1881 г. и хранящуюся в советском архиве, см.: *Кропоткин П. А. Записки революционера*, с. 391.

¹⁴ Там же, с. 394—396.

¹⁵ *Кропоткин П. А. Речи бунтовщика*. М., 1918, с. 56.

¹⁶ Сначала автор заметки назвал ее Луизой Мишель.

выступил Перар. Он говорил о том, что такое эволюция и революция. После этого председательствующий зачитал манифест социалистов Парижа, одобрявший казнь русского царя.

И вот слово берет Кропоткин. Автор хроники подчеркивает огромное внимание слушателей. П. А. Кропоткин подробно рассказал присутствующим, не знающим ужасов русской тирании, о том, как живет в России после отмены крепостного права: о тяготах крестьян, составляющих большинство населения страны и питающихся не хлебом, а толченой березовой корой с горстью муки, и о том, что уничтожение крепостного права принесло им лишь разорение.

Царь Николай, продолжал П. А. Кропоткин, был кровавым деспотом, но он был хоть откровенен в своих действиях. Царь Александр же был деспотом иезуитствующим, дававшим красивые, но лживые заверения. Во время его царствования было сослано 70 000 поляков. Ни в чем не повинные люди проводили в тюрьме по четыре года, дожидаясь суда. И таких было 1200 человек. Царь знал, что сослано было 63 000 чел., а 6000 отправлено в Сибирь без суда. Заключенным полагалось лишь 2,5 копейки в день на еду, что равно 5 сантимам. Где же доброе сердце Александра? Когда ему говорили о реформе, он только отвечал: «Людовик XVI», имея в виду, что этот король начал с реформ, но эта уступчивость привела к тому, что он закончил жизнь на эшафоте.

После Кропоткина выступил М. П. Драгоманов¹⁷, который разъяснял ошибочность применяемого к русским революционерам термина «нигилист».

Мы так подробно остановились на откликах в Швейцарии на десятилетие Парижской Коммуны и на события в России 1881 г. еще и потому, что 36 лет спустя один из митингов, посвященных Парижской Коммуне, на этот раз состоявшийся в Шо-де-Фоне, будет также тесно связан с политической ситуацией в России. Накануне своего отъезда в Россию весной 1917 г., навсегда покидая Швейцарию и границу, В. И. Ленин в предпоследний раз читал за рубежом реферат — реферат о Парижской Коммуне. Это было 18 марта 1917 г. в городке часовщиков Шо-де-Фоне, лежащем на самой границе с Францией вблизи Безансона, где в 70-х годах поселилась большая часть коммунаров. Их потомки по-прежнему бережно хранили память о Коммуне.

В это время В. И. Ленин готовил работу о государстве и революции, и проблемы первого пролетарского государства были вновь им тщательно проанализированы. Хотя о Парижской Коммуне он уже неоднократно и с подъемом читал рефераты в разных городах Европы (только в одной Женеве в 1904, 1905, 1908 гг.), к выступлению в Шо-де-Фоне В. И. Ленин готовился особенно тщательно. В марте 1917 г. Владимир Ильич пишет в Женевскую партийную библиотеку: «Нет ли у вас брошюры Бакунина «Парижская Коммуна и понятие о государственности»? По-русски или по-французски? Если нет, нельзя ли достать у анархистов на несколько дней?»¹⁸

Реферат в Шо-де-Фоне обещал быть очень интересным. Однако особую остроту ему придали непредвиденные события: 15 марта 1917 г. в Цюрихе стало известно о революционном движении в Петрограде. Поэтому прочитанный В. И. Лениным в рабочем клубе Шо-де-Фона на Rue Premier Mars, 15, реферат «Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?» особенно всколыхнул слушателей. Н. К. Круп-

¹⁷ К. Маркс, внимательно следивший за ходом процесса над первоапрельцами, в марте 1881 г. читал и делал пометки в брошюрах Алисова «Александр II освободитель» и М. Драгоманова «Тиранубийство в России» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 617). Брошюра Драгоманова, по-видимому, была отпечатана в Женеве во второй половине марта.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 393. См. также: Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволоп-Кафтанова И. И. Ленин в Берне и Цюрихе. М., 1972, с. 221—223.

ская вспоминала: «О Парижской Коммуне, о том, как применить опыт ее к начавшемуся русскому революционному движению, как не повторять ее ошибок — об этом много думал Ильич в последние дни, и поэтому реферат этот вышел у него очень удачным, и сам он был доволен им. На наших товарищей реферат произвел громадное впечатление»¹⁹.

Так в Швейцарии и в 1917 г. события в России тесным образом переплелись с юбилеем Коммуны.

Возвращаясь к весне 1881 г., напомним в заключение, что такой же митинг, связавший годовщину Парижской Коммуны с событиями 1 марта в России, произошел в Лондоне 21 марта 1881 г., на три дня позже жевневского, и был назван Славянским митингом в честь годовщины Парижской Коммуны. В приветствии этому митингу, сближая Парижскую Коммуну с событиями в России, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может, после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны»²⁰. Действительно, так и случилось — в октябре 1917 г. сбылись пророческие слова основоположников научного коммунизма.

¹⁹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 290.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 252.

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары, публицистика, пьесы, стихотворения, романы, живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune